

В.К. Васильева - народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР; награждена орденами Трудового Красного Знамени и «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Удостоена театральной премии «Хрустальная Турандот» и премии имени Яблочкиной. В.К. Васильева - секретарь Союза театральных деятелей (уже 20 лет). В 2000 году вышла книга её мемуаров «Продолжение души. Монолог актрисы» (изд. 2-е).

- Вера Кузьминична, какими судьбами вы оказались в «составе» сначала Калининского, а затем Орловского драматических театров?

- Где-то с 1983 года я была очень мало занята в своем родном театре Сатиры. К тому же, сатирической актрисой по-настоящему себя никогда не считала. Напротив, во мне жили мечты о каких-то неосуществимых для данного театра ролях. Например, о Раневской. Как-то я приехала на праздник искусств в Калинин и получила приглашение на эту роль. К тому же, это был город, в котором жили мои родители. Я с удовольствием проработала в Калининском театре пять-шесть сезонов. И благодаря этой работе для театральных кругов стала на несколько ступенек выше. Очень много городов с «Вишневым садом» объездила: Ленинград, Минск, Львов, Киев. Потом эту роль увидел режиссер Александр Вилькин из театра на Таганке. Он как раз ставил этот спектакль в Польше, в Щецинском театре, и пригласил меня туда. Я играла Раневскую на польской сцене. Очень волновалась: мне приходилось играть по-русски, а остальным действующим лицам - по-польски. Но все страхи понемногу исчезли: это лишь придало спектаклю некую остроту.

Что касается Орла, то там проходил фестиваль российских театров. Мы (театр Сатиры) показали «Воительницу», и у Бориса Наумовича Голубицкого, главного режиссера Орловского драматического театра, возникло желание, так как Лесков и Орловщина неразрывны, поставить спектакль на своей сцене. И его поставил Львов-Анохин. Роль Домны Платоновны очень трудная по тексту. Стоит перепутать слово, - кружево рвется. А ведь у Лескова особый язык. Потрясающий, да и характеры тоже. После того, как я отыграю этот спектакль, наутро встаю в таком состоянии, будто похоронила кого-то: столько сил он забирает. Так что если усохнет сердце, не смогу играть эту роль.

- Вера Кузьминична, вы замечательно рассказываете о своей работе. Знаю, что у вас недавно вышла из печати книга «Продолжение души», несколько дней потратила на поиски ее в наших библиотеках, но выяснила, что, увы, она в единственном экземпляре хранится лишь в областной. Библиографическая редкость. Поскольку немногим читателям суждено ее прочесть, не могли бы вы несколько слов сказать, о чем эта книга, как родился ее замысел?

- Ну, замысел - громкое слово. А написала я так. Судьба актера очень зависима. Случилось так, что я лет десять почти не играла новых ролей. А для представителей нашей профессии это - как ссылка, хуже не придумаешь. Очень я тосковала тогда. И вот в Союзе театральные деятели мне предложили: вы, мол, интересно рассказываете, почему бы вам не попробовать написать книгу? Я говорю: «Так это никто не напечатает». А сама увлеклась, стала писать. Это было криком души. Потом мне сказали, что книга получилась пугающе искренней. Писала легко. Единственно, что понадобилось редактору потом, - сократить пухлый том. В нем я попыталась сказать, что такое наша актерская профессия. Писала и о своей жизни, в ней тоже было все не просто, хотя начало - счастливое. Родилась в Москве, в рабочей семье. Актрисой мечтала стать с детства - занималась в Доме пионеров, поступила в театральное училище. Потом - блестящий поворот в судьбе - фильм «Сказание о земле Сибирской». Правда, моей заслуги в этом никакой - чистая случайность. Очень в нашей профессии это важно - счастливый случай, хоть и любовь к профессии, и труд - это тоже непременно должно быть. Да, по моей книге на радио сделаны две часовые программы.

- Театр Сатиры «съел» свыше тридцати лет вашей актерской жизни. Не жалеете об этом?

- Нет, это огромное счастье, что в моей жизни был и есть этот театр. Это как родной дом. У нас очень приличная в отличие от многих других творческих коллективов атмосфера. Может быть, потому, что работает много популярных артистов, все они где-то заняты - в кино, на телевидении, не до интриг. Помню первые дни, когда только-только пришла в прославленную труппу. Чувствовала себя как дитя, которое пестовали и ласкали. Жила, как в вате. Зато и роста творческого не было. Роли все были примитивными, хоть и пригласили меня сразу на главную - Лизу в спектакле «Лев Гурыч Синичкин». У нас в театре и обслуживающий персонал замечательный - они и обласкают, и чайку дадут. Как ценят они актерский труд, как оберегают! И актеры у нас замечательные, мы все сроднились. Да и как иначе? Анатолий Папанов с женой, Татьяна Пельтцер с отцом и я жили в одном общежитии несколько лет. У каждого была своя комната - шесть метров. Толя очень много работал, был человеком замкнутым, Андрюша Миронов, наоборот, открытым, обаятельным. Перед ним, знаете, все врата открывались. Как-то мы были с ним в Михайловском, так Гейченко ему даже пушкинский перстень из каких-то запасников показывал и давал померить. Никто не мог устоять перед его обаянием. Наша семья - не исключение. Комната в нашей квартире полна портретов Миронова. Он для нас и сегодня живой. Если родится наш спектакль «Без вины виноватые», над которым мы сейчас бьемся в Орловском театре, он будет и о нем, Андрее. Обо всех артистах, ибо все мы - пленники одной любви - к театру.

- Вера Кузьминична, помните, вашу Кручинину Нил Стратоныч спрашивает: «Лавры-то недешево достаются?», а она отвечает: «Лавры-то потом, а сначала горе да слезы». Это только прима Кручинина говорит, или актриса Вера Васильева тоже, от себя?

- Ну конечно, и Вера Васильева от себя. У нас весь спектакль от себя лично. Мы хотим поставить его не как сентиментальную историю о брошенной девушке, а о том, какой Голгофой достается искусство, и что собственные страдания - та питательная среда, без которой его и быть не может. Кручинина меня уже лет пять занимает. Думаю о ней так, словно она существует сейчас рядом со мной. У нее ведь есть вина, что обычно не акцентируется, и немалая, перед сыном. Как бы то ни было, Кручинина лишь через 17 лет, когда попадает в родной город, начинает мучиться, казнить себя за то, что даже не попыталась за это время ни разу разыскать могилу сына. Но раз человеку дано мучиться угрызениями совести, - это Человек! И это надо сыграть. Да и Коринкина не так проста. Ее тоже еще надо «найти». Не играть привычно злобной, ревнивой к чужой славе особой. Она борется ведь и за свое достоинство: была первой, и вдруг все рушится. Впрочем, не будем загадывать. Сделать бы эту работу.

- Слышала, вы как-то по-особому относитесь к театральным костюмам, чуть ли не как к живым существам...

- Да, я очень их люблю. Для Раневской, например, все наряды шила за свой счет. Так что, когда поехала в Польшу, там все ахнули. Бог мой, какие там были шляпки, платья! Иначе было нельзя. Зрителю должна была явиться Красота. А платье у Раневской ведь «из Парижа». Приходилось сидеть часами, расшивать его камнями. А в «Воительнице» меня устраивает и мещанская простота. Костюм ведь «диктует» образ.

Вера Кузьминична поднялась с красивого гостиничного дивана и начала хлопотать у стола, - разливать кофе, нарезать наш псковский торт. Я от души любовалась ею, ее очаровательной улыбкой, не показной простотой.

- Вера Кузьминична, а какая вы хозяйка?

- Стыдно сказать, но очень плохая. И не люблю, и не умею этим заниматься. Впрочем, и

некогда. Так что не испекла ни одного пирога за всю жизнь, хотя вид у меня очень домашний. Может быть, потому и люблю я жить в гостиницах, где душа отдыхает. Если же в нашем доме ждут гостей, муж, скептически относящийся к моим кулинарным способностям, за неделю начинает переживать.

- Простите, Вера Кузьминична, ваш муж тоже имеет отношение к искусству?

- Он играл Максима в «Свадьбе с приданым». Впрочем, в плане личной жизни я не представляю для читателей никакого интереса. 35 лет я замужем за одним человеком. Славу богу, он чуткий и внимательный, понимает, что театр - единственное мое счастье, не сопротивляется моим частым отъездам.

- О каких ролях сегодня вы мечтаете?

- Сказать: ни о каких, что дадут, то и ладно, - для меня, актрисы, было бы равнозначно смерти. Лучше уж, считаю, трепыхаться, чего-то ждать от жизни, на чем-то настаивать. Поэтому сейчас живу одним - судьбой Кручининой. Начинили мы в театре Сатиры репетировать интереснейший спектакль - «Софью Петровну» Лидии Чуковской, но это такая тяжелая вещь, что пришлось от нее отказаться. Нравится мне «Блажь» Островского. Впрочем, в нашем театре все это нереально. Так что мне приходится лишь ждать чего-то подходящего, да еще надеяться на творческие вечера на Центральном телевидении. Один такой, вроде, планируется и для меня.

- Желаем сбыться всем вашим замыслам, и надеемся увидеть вас еще не раз на псковской сцене.

- Спасибо!